

ДИСКУССИЯ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Аннотация: В споре с современным историком автор углубляет свою общеизвестную концепцию создания Московской патриархии в 1586–1593 гг. Статья раскрывает соотношение источников о возникновении и реализации замысла патриархии, с начала до конца осуществленного Годуновым. За официальной формулой о замысле царя Федора и его супруги Ирины, осуществлять который тайно и явно поручалось Годунову, стоят реальные планы правителя, которые он последовательно воплотил в жизнь. Полемика

с оппонентом, отвергшим все известные источники ради мотивированной одними домыслами атрибуции замысла митрополиту Дионисию, позволяет также углубить представления об идейном контексте создания патриархии при единственном во Вселенной православном самодержце. В целом статья отражает новый уровень знаний по этой важной теме.

Ключевые слова: Московская патриархия, Борис Годунов, царь Федор Иванович, патриарх Иов, автокефалия Русской Церкви, Восточное Православие.

Свершилось! В начале сего года явился историк, который усомнился в классической картине создания патриаршего престола в Москве, написанной совместными усилиями С. М. Соловьева, митрополита Макария (Булгакова), Н. Ф. Каптерева и моими.¹ Тема воистину важна, восторг

¹ Труды эти многократно переизданы и широко доступны в сети: Соловьев С. М. История России. Кн. IV. Т. 7. Гл. 4. Тема: Учреждение патриаршества; Макарий (Булгаков), митрополит Московский и всея Руси. История Русской Церкви. Ч. 5. Отд. 1. (В отд. изд. Т. 10). Раздел: Учреждение патриаршества в России; Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Отд. 1. Гл. 2. Учреждение в России патриаршества; Богданов А. П. Русские патриархи. Т. 1. Гл. 1. Учреждение патриаршего престола.

Дмитрия Михайловича Володихина перед величием события искривлен. Отвага, с коей он подвизался внести вклад в церковно-историческую науку, похвальна. Да и митрополит Дионисий, которому мой долгожданный оппонент приписал авторство идеи учреждения патриаршества в Москве, был духовным лицом немалых достоинств.² В отличие от политически гениального, но, как считалась, нравственно небезупречного Бориса Годунова. Именно последнему я должен был вручить автор-

² Володихин Д. М. Митрополит Московский и всея Руси Дионисий Грамматик как предполагаемый автор идеи об учреждении патриаршей кафедры в Москве // Историческое обозрение. Вып. 20. Личность в историческом процессе. М., 2019. С. 28–44.

ство и реализацию идеи Московского патриаршества. Это четко вытекает из сопоставления исторических источников.

Современные событиям документы и позднейшее сказание единодушно приписывают авторство идеи царю Федору Ивановичу, по совету с женой Ириной, что, хоть и с некоторой долей скептицизма, вынуждены были признать мои предшественники. Володихин их мнению должного внимания не уделил, упомянув лишь замечание Макария, что при объявлении идеи учреждения патриаршества «государь не столько просил совета у бояр, сколько объявлял им свое решение, прежде принятое им с царицею».

«Следует обратиться к историческим источникам конца XVI столетия, – уверяет мой оппонент, – чтобы за «этикетными» фразами о выдающейся роли государя в этом великом деле разглядеть «проговорки» о действительном положении вещей». – Безусловно, следует! – вынужден согласиться я. Тем более что уже сделал это весьма подробно.

Но в тексте Володихина благодетельное множественное число источников нечувствительно исчезает: «Источник приводит царскую речь, весьма основательную, разумную, – пишет он. – Если источник не лжет, царь должен был сочинить или, как минимум, воспроизвести эту речь в Думе». Наконец: «А. П. Богданов пошел против источника, объявив: «Вполне возможно, что от Федора Ивановича требовалось только согласие с основной мыслью, а доклад от его лица в Боярской думе сделал доверенное лицо: такое случалось настолько часто, что вошло в традицию. Это тем более вероятно, что “царская речь” была замечательно красноречива,

что в высшей степени отличало Годунова и было совершенно не свойственно его зятю».

Почему царь, «если источник не лжет», обязан был, согласно моему оппоненту, сочинять и/или произносить речь от своего имени, неясно. Практика, когда написанные профессионалами «царские речи» согласовывались с государем и оглашались в его присутствии, была обычной, только Володихину она неведома. К тому же излагает эту речь 1586 г. позднее сказание. Но главное, что источник у оппонента именно один: «Историко-публицистическое сказание об утверждении патриаршества», которое отвечает на вопрос об инициативе учреждения патриаршего престола в Москве «без затей: по воле Федора Ивановича».

Сказание это имеет интересную историю текста, и излишне въедливый читатель мог бы спросить, что за текст мой оппонент имеет в виду. Отсутствие ссылок на этот единственный доступный Володихину источник побуждает присмотреться, что же именно Дмитрий Михайлович прочел. И с удовлетворением убедиться, что в использовании сказания он не выходит за рамки текстов историков: Макария и мой. Вероятно, поэтому в дальнейшем изложении число источников у оппонента умножается: «Итак, положив руку на сердце, при нынешнем состоянии источников нельзя твердо определить главного автора идеи об учреждении патриаршего престола в Москве».

Это действительно так, если под «источниками» иметь в виду изложение одного сказания двумя авторами и упускать из виду комплекс современных событиям документов Посольского

приказа, по которым начинал свой рассказ С.М. Соловьев (ссылаясь, кроме того, на классические издания, начиная с Собрания государственных грамот и договоров, и на замечательное исследование А.П. Зернина).³ Макарий и Каптерев использовали все светские и церковные источники, отталкиваясь от документов Посольского приказа, с оригиналами которых работали. А прежде них протоиерей П.Ф. Николаевский доступно для широкого читателя описал круг источников.⁴ Только сейчас Володихину удалось вернуться в более ранний период церковно-исторической науки, когда ясного представления о составе источников еще не сложилось.

Уточнения, которые мне, по сравнению со старшими коллегами, пришлось внести в картину разработки и реализации идеи учреждения патриаршего престола, были основаны на последовательном разделении сочинений и документов. Володихин не уяснил из моего труда, что о начале учреждения патриаршества мы имеем два разных по происхождению и достоверности круга источников. Во-первых, книги Посольского приказа, документально фиксирующие происходившее в 1586–1589 гг. в Москве.⁵ Во-вторых,

³ Зернин А. П. Учреждение патриаршества в России // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2. 1-я половина. Отд. I. С. 3–34.

⁴ Николаевский П. Ф., протоиерей. Учреждение патриаршества в России // Христианское чтение. 1879. № 7–12.

⁵ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Кн. 2. Л. 148–180 об. «Приезд в Москву Антиохийского патриарха Иоакима». Дальнейшая история: Там же. Кн. 3. Ч. I. «Приезд в Москву: 1. Цареградского патриарха Иеремии за милостыню и для посвящения первого патриарха Ио-

историко-публицистическое сказание, составленное после учреждения патриаршества.⁶ Оно существует в разных редакциях, в т.ч. изданных, как яркое публицистическое сочинение следующего, XVII столетия.

Документальные сведения Володихин отбрасывает (кроме одного случая, когда не отличил документ от сказания). Это было легко сделать по моему тексту, где они четко выделены, а по синтетичным текстам Макария или Каптерева – труднее. Поэтому оппонент предпочитает спорить со мной, уповая на «логику» осмысления ситуации, глубоко осознанную им по позднему публицистическому источнику и превосходную по яркому нравственному чувству.

Правда, Макарий, коего в слабости веры трудно упрекнуть, особых восторгов по поводу учреждения в Москве патриаршества не проявил, констатировав, что это было делом полезным, но в жизни Русской Церкви мало что изменившим. И Каптерев, восхитившись признанием Москвы в качестве Третьего Рима патриархом Иеремией в Уложенной грамоте об учреждении Московского патриаршего престола, написанной по-русски и ему не переведенной, достаточно возвышенными чувствами не проникся. Он работал с

ва». Ч. II. «Терновского митрополита Дионисия и Гривенского епископа Каллистрата с грамотою от всего Вселенского собора уложенною о бытии в России пятому Вселенскому патриарху». Публ. кн. 3: Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями): 1588–1594 гг. / Подгот. изд. М. П. Лукичев, Н. М. Рогожин. М., 1988.

⁶ ГИМ. Синодальное собрание. № 703 (Протасьева № 978). Сборник 2-й пол. XVII в. Л. 72 и сл.

документами, которые не позволяли впасть в восторг.

Перешагнуть через источники и правила рассуждения видные церковные историки XIX в. не могли. «Логика», к которой Володихин многократно апеллирует в тексте, это не старинные представления о рассуждениях на основе фактов и здравого смысла, но вполне современное выражение примата цели над средствами. Поэтому мои мысли о политических планах Бориса Годунова, вытекающие из сопоставления источников, это «сбой в логике», они «совершенно» не логичны и «схема, предложенная А.П. Богдановым, не выдерживает проверки логикой. Годуновы, разумеется, могли работать в направлении, приближавшем учреждение патриаршего престола в русской столице. У них для этого, как минимум, хватало политического умения и влияния при дворе. Но мотивировка их действий не получает разумного объяснения. Ни борьба с митрополитом Дионисием, ни естественное желание видеть союзника в лице первенствующего в Русской церкви иерарха, ни, тем более, договоренности с патриархом Иоакимом даже в малой мере не дают ответа на вопрос: зачем понадобилось патриаршество?».

Ответ на этот вопрос дает, по Володихину, предположение, что идею учреждения патриаршества выдвинул митрополит Дионисий. Тот самый, который только что, в Успенском соборе, зримо продемонстрировал превосходство его сана над восточным патриаршеским. Дмитрий Михайлович, в его логике, должен был отбросить отчет о событиях в соборе, приведенный в посольской книге, а не в позднейшем сказании, которому он следует.

Но, видимо, не уяснил, что я рассказываю об этом и привожу толкование этого события Соловьевым и Макарием по тексту документа Посольского приказа.

Посольские служащие, ориентированные на отражение сравнительного старшинства отечественных и зарубежных чинов, зафиксировали превосходство московского митрополита без удивления. Это, как знали классики и подробно изложил читателям Каптерев, было общим местом русских представлений о сравнительном благочестии и чести отечественных и восточных иерархов. Некоторое удивление посольских служащих, отраженное в детальном описании событий, вызвал довольно пышный прием патриарха в Москве. Впрочем, за рамки господствующих москвоцентрических представлений торжественность приема одного из «павших» восточных патриархов не выходила, коли он занял место ниже московского митрополита. Скорее, эта пышность подчеркивала справедливость русских убеждений в превосходстве нашей Церкви и благочестия над всем миром.

Володихин смело ломает стереотипы предков. «Дионисий как никто другой понимал, сколь низко упал духовный авторитет Священноначалия, сколь необходимо возвысить его вновь», – пишет он, легко превращая митрополита в революционера. Ведь слово «пал» автор относит не к Востоку, как были убеждены русские, а к Руси! Не случайно летом 1585 г. Александрийский патриарх Сильвестр просил Дионисия не верить дурным слухам о Константинопольской и иных восточных церквях.⁷ Но не слухи, а реаль-

⁷ Перевод грамоты: РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Кн. 1. Л. 113а–114а об.

ность, хорошо известная в Москве по докладам дипломатов и рассказам путешественников, заставляла оценивать священноначалие Православного Востока самым печальным образом. В отличие от цветущего благочестия духовенства Святой Руси.

Итак, Дионисий, преисполнившись «интеллектуальной силой» от сознания «умаления Русской церкви» при Иване Грозном, который поставил его в митрополиты, шествует к царю Федору Ивановичу с предложением «столь масштабного проекта, как учреждение патриаршей кафедры в Москве». «Мог ли такой человек войти к царю с идеей превратить митрополию Московскую в патриархию? Думается, мог, – уверяет Володихин. – Желал ли он придать Русской церкви новый блеск после трудных лет грозненского царствования, после экономического урона, нанесенного ей правительством совсем недавно? Не только желал, но и, по всей видимости, искал к тому способы. Во всяком случае, пышное венчание Федора Ивановича на царство половиною роскоши и величественности своей обязательно Церкви».

В подтверждение этой мысли Дмитрий Михайлович описывает «картину симфонии Русской церкви и Российского государства» на венчании Федора Ивановича ... по Александро-Невской летописи и Московскому летописцу, памятникам, как известно, XVII в. Не ведая о составленном в Посольском приказе чине (сценарии) коронации 31 мая 1584 г. со всеми предписанными действующим лицам речами,⁸ царь, митрополит и иные

лица действовали и говорили по приказу, который летописцы позже по мере сил излагали. Не имея представления о том, что чины венчания государей представляют собой развивавшуюся с конца XV до конца XVII в. систему, в которой последующий чин основан на предыдущих (конкретно чин Федора Ивановича – на Пространной редакции чина Ивана Васильевича); что именно с чина Федора Ивановича работу над сценарием венчания четко осуществлял Посольский приказ; и что до чина Федора Алексеевича (1676) митрополиты и после них патриархи не проявляли в заявленной «симфонии» никакой инициативы, лишь подтверждая в диалоге с царем его родовое и священное право на престол⁹ – проще говоря, не осознавая, что случайно найденные им в летописях красивые цитаты не характеризуют личность и позицию митрополита Дионисия, который на церемонии произносил предписанный ему текст. Тем более что процитировал Володихин обращение царя к митрополиту с традиционным указанием, что тому следует делать.

Итак, безотносительно к источникам, митрополит, руководствуясь страницей

Черновик, с правкой (ср. № 256 и 257 - списки XVII в.). Опубл.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819. № 51. С. 72–85. Новое изд.: Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли / Публ. Н. В. Сеницына, Я. Н. Щанов. М., 1989. Ч. II. № 20.

⁹ С обзором источников и литературы: Богданов А. П. 1) Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 211–224; 2) Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 13–39; 3) Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М., 2018. С. 294–356.

⁸ РГАДА. Ф. 135. Государственное древлехранение хартий и рукописей. № 255. Л. 1–50.

сочиненных Володихиным соображений, решил устроить на Руси патриарший престол. «Приведя Иоакима с его свитой, да и весь двор царский в потрясенное состояние, Дионисий получил от государя недоуменный вопрос, которого, надо полагать, он ждал и добивался: «Зачем?» Далее ему оставалось развернуть перед государем величественную перспективу: здесь, в Москве, на земле, подвластной ему, возникнет новый патриарший престол! Значит, столица России в сане своем уподобится древним и славным центрам христианства — Иерусалиму, Константинополю, Александрии и Антиохии. Наверное, государь возрадовался тогда. Наверное, сердце его, богатое верой, уповающее на милость Божию, осветилось огнем доброй надежды. Он рад был бы возвеличить Русскую церковь, он счастлив был бы *сравнять московское благочестие со старинным благочестием того же Иерусалима, главного города Святой земли, или Константинополя — «Второго Рима».*

Выделенное мной утверждение, несомненно, прогневило бы царя Федора Ивановича, да и любого русского православного. Со времен митрополита Илариона (XI в.) все были уверены, что наше благочестие не уступает никому в мире; русские, по Илариону, и есть «Новый Израиль». А с XV в. мыслители были убеждены, что благочестие восточных патриархий, поработанных мусульманами за предательство православной веры (в унию) и иные грехи, *весьма сомнительно.* Володихин мог бы избежать столь серьезной ошибки, прочтя в единственном доступном ему источнике, позднейшем сказании, как именно оценил бла-

гочестие восточных патриархов любимым им царь Федор Иванович. К настоящему времени, говорит в сказании царь, «по воле Божией, в наказание наше, *восточные патриархи и прочие святители только имя святителей носят,* власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна, благодатию Божиею, во многорасширение приходит».

«Сровнять» Третий Рим с двумя павшими было бы нелепо и оскорбительно. Думать, что на Руси авторитет священноначалия «низко пал», да еще сравнительно с восточной иерархией, ни митрополит, ни царь не могли. Но учредить в Москве благочестивую вселенскую патриархию, подтвердив переход центра мирового православия на Русь, было желательно. По крайней мере, с точки зрения составителя единственного источника Володихина: сказания, написанного *после* учреждения в Москве патриаршего престола для митрополита Иова.

Продолжая поход от незнания к непониманию, Володихин *вместо* цитирования сказания *сочиняет* размышления царя, ошарашенного полностью выдуманным предложением Дионисия учредить в Москве патриарший престол: «Безо всякой корысти, наполненный светом высокой надежды, царь идет к супруге советоваться: не сделать ли нам так, Иринushка? Та на любое дело рада во имя Церкви, ибо страстно желает разродиться здоровым чадом и ждет, может быть, что ее с мужем благое начинание зачтется им Высшим Судией как на земле, так и на небесах. Потом уже от царственной четы узнает о митрополичьем плане Борис Годунов. Что для него эта идея? Вероятно, он еще пытается миром поладить в Дионисием,

который рассержен на него за несоблюдение перемирия с Шуйскими. Конечно, Иоаким наложит запрет на развод сестрицы, но Иоаким скоро уедет, а Федору Ивановичу нужна нравственная поддержка ... Так не сделать ли вопрос об учреждении патриаршего престола в Москве предметом своего рода торга с митрополитом? Как знать, не смягчится ли он, получив желаемое? Не перестанет ли быть откровенным врагом?».

Напомню вкратце, о какой коллизии идет речь, хотя в моей книге она рассмотрена подробно. Митрополит Дионисий выступал за развод царя с бездетной царицей Ириной Федоровной, урожденной Годуновой. Целью было покончить с властью ее брата и царского шурина, конюшого боярина Бориса Федоровича Годунова. В этом контексте «логика» Володихина выглядит так. Митрополит Дионисий путем учреждения патриаршества решает укрепить на Руси священноначалие, в своем лице, но абсолютно бескорыстно. Восточный патриарх, которого он третирует как низшего, выступает против развода царя с Ириной. Поэтому Дионисий говорит царю о своем желании устроить в Москве патриархию, а тот бежит советоваться с женой, как это лучше устроить. Та, хорошо зная намерения митрополита сослать ее в монастырь, радостно одобряет эту идею. А ее брат-правитель, который в свое время с помощью сестры и патриарха Иова станет царем, думает, что с его врагом Дионисем будет легче поладить, если тот сделается патриархом и станет царю «нравственной поддержкой» (вместо Ирины и Бориса, к чему Дионисия обязывает союз с боярами против них). А взамен, может быть, новоявленный патри-

арх не разведет Ирину Федоровну с государем, как он твердо намерен, и не пошлет Годуновых туда, куда Борис послал вскоре своих неприятелей, включая Дионисия.

Драматизм сцены, когда тихий богомольный царь является с такой идеей к своей жене, не вмещается в мое воображение. К счастью, в источниках нет ни малейшего намека на возможность участия Дионисия в замысле московской патриархии, который царь, по совету с женой, объявил боярам, согласно сказанию, написанному постфактум. Нет и никаких иных оснований полагать, что Дионисий, этот достойный человек, поставленный на митрополичью кафедру «избранием царя и великого князя Ивана Васильевича» (Грозного), «премудрый грамматик» (по словам летописи), сочинения коего неизвестны, имевший «нрав суровый и непреклонный» (отчего Володихин верит, что Годуновы могли с ним договориться), имел малейшее отношение к идее учреждения патриаршего престола.

Подчеркну: в источниках нет свидетельств, что Дионисий мог быть связан с рождением замысла Московской патриархии, и каких-либо оснований полагать, что митрополит мог одобрить такой замысел благочестивого царя. Это чистый вымысел. Напротив, не в публицистических сочинениях, а в официальном, современном событиям документе, есть четкое указание, что замысел царя и царицы, который поручено было исполнить Борису Годунову, был тайным не только для Дионисия, но даже для Посольского приказа. Потому что глава его в 1586 г. еще не перешел на сторону Ирины и Бориса Годуновых, покинув стан боярской оппозиции во главе с Дионисием.

Что же написано в приведенных мной документах о непростом пути к учреждению Московской патриархии, что заставило Володихина их отбросить, заменив «логикой» смелых фантазий?!

Документы свидетельствуют, что приехавший в Москву в 1586 г. Антиохийский патриарх Иоаким V Дау (1581–1592), привлеченный щедрой милостыней, посланной на Восток богомольным царем Федором Ивановичем на помин души отца в 1584 г.,¹⁰ был принят с почестями и отпущен с подарками, в том числе другим восточным патриархам. Сопровождавший этот груз подьячий Михаил Огарков имел с собой наказ (инструкцию) и грамоты к Константинопольскому патриарху Феопипту и Александрийскому Сильвестру, тексты которых приведены в посольской книге. В них вообще *ничего не говорится* об идее учреждения Московской патриархии.

Далее, предположение Володихина, что Дионисий желал укрепить патриаршим титулом свое положение и спасти якобы низко павший на Руси «духовный авторитет Священноначалия» разбивается о факт, что именно Дионисий (в отличие, например, от Иова) считал себя выше восточного патриарха. И вел себя с Антиохийским патриархом Иоакимом как старший церковный чин по отношению к младшему. Это детально описано в посольской книге Греческих дел № 2, как поведение и слова Иова – в книге № 3.

Дионисий следовал здесь русской традиции, изученной Каптеревым. Она сложилась в XV в. после духовного (в унию) и физического (при завоевании турками)

падения Константинополя, когда благочестие всех восточных патриархий, которые вскоре были завоеваны, подверглось большому сомнению. Этой традиции, несмотря на частную выходку Ивана IV с утверждением на Востоке своего царского титула, следовали на Руси все власти, не лишая, прочем, падших просителей своей милости. Основанная на широком круге источников, в т. ч. посольских, книга Каптерева, который рассмотрел и основание Московской патриархии, осталась моему оппоненту неизвестной. Поэтому пришествие патриарха Иоакима за милостыней и представляется Володихину явлением «одного из столпов вселенского православия».

С таким убеждением действительно лучше не читать документов о приездах патриархов Иоакима Антиохийского, а затем Иеремии Константинопольского¹¹ в Москву. К первому московские власти проявили живое любопытство: такой диковинки здесь не видывали. Но именно в его статейном списке четко сказано, что московский митрополит выступил относительно Антиохийского патриарха как старший. Что тот пробовал возражать, а затем принял факт, что митрополит благословляет его, а не он митрополита; что Дионисий ведет службу, а Иоаким стоит, где поставлен: у правого заднего столпа Успенского собора. Обращение московских властей со вторым заезжим патриархом, Иеремией, которого ласково приравнивали по чести к русскому митрополиту, было даже по нашим посольским документам довольно жестким. А по оценкам его спутников, митрополита

¹⁰ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Кн. 2. Л. 76–79 об.

¹¹ Иеремия II Транос был патриархом в 1572–1579, 1580–1584 и 1597–1595 гг.

Иерофея Монеувасийского и архиепископа Арсения Елассонского, напоминало заочение.¹²

По позднейшему сказанию, царь Федор Иванович поведал о своем и царицы Ирины желании учредить в Москве патриархию на заседании Боярской думы конце июня – начале июля 1586 г. Борис Годунов был немедля послан на двор патриарха Иоакима, где пересказал царскую «речь» и просил посоветоваться со всем восточным духовенством, чтобы «такое великое дело в нашем Российском государстве устроилось». Такого события – речи царя в Думе и явного поручения Годунову все «устроить» – не было. Иначе это зафиксировал бы Посольский приказ, который возглавлял думный дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов, враг Годунова. Лишь через год Щелкалов склонился перед Годуновым, оценив его победу в борьбе за власть.¹³

Обнародовать согласованное с супругой и ее братом, своим наперсником, желание устроить в Москве патриархию было для царя неблагоприятно, пока осенью 1586 г. не были сведены с престолов опасные для его брака митрополит Дионисий

и епископ Варлаам, пока не были сокрушены Шуйские и иные боярские роды, стоявшие за идею развода государя с бездетной царицей. Не был сторонником Годуновых и сменивший Дионисия митрополит Иона. Однако в январе 1586 г. епископ Коломенский Иов стал архиепископом Ростовским, а ко 2 февраля 1587 г. занял митрополичий престол. При утвердившемся полномочии Годунова в Думе и его соратника Иова в Церкви, замысел, вложенный сказанием в уста царя, можно было не таить. А замысел этот действительно был и осуществлялся, о чем свидетельствуют посольские документы.

Глава Посольского приказа узнал о ведущейся за его спиной внешнеполитической деятельности¹⁴ летом 1587 г. Грек Николай, приехавший в Москву с грамотами Константинопольского и Антиохийского патриархов о милостыне, сообщил в Посольском приказе: «Наказали с ним словом патриарха Цареградский и Антиохийский: что приказывал им государь, чтоб патриарха учинить на Руси – и они, Цареградский и Антиохийский патриархи, соборовав, послали по Иерусалимского и по Александрийского патриархов, и велели им быть в Царьград, и о том деле соборовать хотят, *что государь приказывал*, и с собора хотят послать (в Москву) патриарха Иерусалимского (Софриноя IV, 1579–

¹² Труды и странствование смиренного Арсения, архиепископа Эласонского и повествование об установлении Московского патриаршества / Пер., вступ. статья и коммент. под ред.: Питирим (Нечаев), митрополит Волоколамский и Юрьевский // Богословские труды. 1968. Сб. 4. С. 249–279. О путешествии с Иеремией на с. 257–279. Мемуары Иерофея, митрополита Монеувасийского: Σάβας Κ. Βιογραφικόν σχεδίασμα Περί του Πχου Ιερεμίου В Ev Αθήναις. 1870.

¹³ Рогожин Н. М. Братья Щелкаловы // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков / Под ред. Е. В. Чистяковой; сост. Н. М. Рогожин. М., 1989. С. 71–92.

¹⁴ Случай редкий, но не уникальный. Столетие спустя фаворит царевны Софьи и фактический министр внутренних дел Ф. Л. Шакловитый сходным образом вмешался в заключение Нерчинского договора с Цинской империей через голову главы Посольского приказа канцлера В.В. Голицына: Демидова Н. Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 289–310.

1608), и с ним о том наказав, как соборовать и учинить патриарха» (выделено и прокомментировано мной. – А.Б.).¹⁵

Эта деятельность патриархов Иоакима Антиохийского, остановившегося после визита в Россию в Константинополе, и Феолипта II Константинопольского (1685–1687), соответствует описанию задачи, которую Годунов, по поручению царя, поставил Иоакиму в Москве летом 1686 г. Задача эта красноречиво раскрыта в позднейшем сказании, которое получает подтверждение приведенными словами грека Николая: некто именем государя вел переговоры с восточными патриархами – при том, что в книге Посольского приказа № 2 даже намек на такие переговоры нет, хотя дело о приезде Николая идет сразу после дела о приезде Иоакима, завершившегося грамотами к восточным патриархам и инструкцией русскому посланнику к ним.

Вопрос, кто бы мог вести *от имени царя* тайные переговоры, скрытые даже от Щелкалова, риторический. Таким человеком был царский шурин и конюший боярин Годунов. У душ, неокрепших в изучении посольских документов, может возникнуть сомнение: а не вел ли такие переговоры, вместо бывшего опричника Годунова, в общем и целом положительный Щелкалов, из земства, без записей в подведомственном ему приказе? Из соображений секретности? – Нет, не вел, уверю я. Статейные списки каждой миссии, перерабатывавшиеся для удобства пользования в посольские книги, и были се-

кретными материалами, с допуском к ним извне приказа только уполномоченных государем лиц, по четко указанному кругу вопросов. Секретная деятельность по самым секретным делам четко описывалась в этих секретных документах. За что мы, историки, крайне благодарны. В случаях, когда часть документов Посольского приказа не сохранилась, мы нередко восстанавливаем события по принятым в приказе ссылкам на другие секретные дела. Но в данном случае утраты дел и пропусков документов (возможных в ветхих столбцах статейных списков) нет.

Наконец, главное. В документах Посольского приказа могла быть не отражена какая-то деталь переговоров, ведь их вели и записывали люди. Но указ царя (любая его воля, высказанная им самим или объявленная его доверенным лицом, как было в большинстве случаев) записывался и принимался к исполнению неукоснительно. Если бы царь объявил о своем с царицей желании учинить Московскую патриархию в Думе, или сказал о сем Щелкалову, или об этой воле государя поведал ему Годунов, указ был бы записан в книге № 2. Ничего этого в хорошо сохранившихся документах нет (книга № 2 продолжается книгой № 3). А деятельность Годунова по реализации воли его зятя и сестры – есть. Патриарх Иоаким с патриархом Феолиптом через грека Николая об этом устно, понимая секретность дела, доложили. Все шло строго по плану царя Федора Ивановича, если тот верно изложен в сказании – единственном источнике, которому Володихин доверяет.

Правда, в июне следующего, 1588 г., и Годунов, и Щелкалов были поражены неж-

¹⁵ Дело о приезде Николая: РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Кн. 2. Л. 181 и сл. Цитаты адаптированы мной к современному языку.

данным приездом Константинопольского патриарха Иеремии II со свитой. Настолько, что известившие об этом смоленские воеводы безвинно получили царский выговор за нежданность явления греков у стен нашего града.¹⁶ Неожиданность была связана с личностью патриарха, а не с делом об учреждении Московской патриархии, о котором тот, как выяснилось, ничего не знал.

Приставу Семену Пушечникову, который должен был сопровождать Иеремию со спутниками до Москвы, было велено «не явно» «разведать ... того, каким обычаем патриарх к государю приехал, и ныне патриарх патриаршество Цареградское держит ли, и нет ли кого иного на этом месте?». «И кроме его нужды, что он едет за милостынею, просить милости, есть ли какой с ним от всех патриархов соборного приговора к государю приказ»? То есть везет ли Иеремию, явившийся на цареградском престоле вместо Феолипта, решение восточного духовенства о благословении создания Московской патриархии? Это беспокоило Москву настолько, что приставу была послана вторая наказная грамота о «проведывании», «тайно», действительно ли он, а не Феолипт, патриарх, «и из Цареграда он к государю со всех ли приговору патриархов поехал, и ото всех ли с ним патриархов к государю есть какой приказ»?¹⁷

Наказы Пушечникову, помещенные в начале посольской книги Греческих дел № 3, показывают, что переговоры, которые Годунов прежде вел в обход Посольского

¹⁶ Царская грамота с выговором: Посольская книга. С. 18–19.

¹⁷ Наказы приставу: Там же. С. 15–18, 19–20, цит. с. 16, 19. Судьба Феолипта особенно интересовала Годунова: С. 32.

приказа, пошли официально. В той же книге четко сказано, что главным лицом на переговорах является Борис Федорович. Об этом на приеме у царя, который, спросив патриарха о здоровье, больше сам не говорил, объявил Иеремию Щелкалов в речи от имени государя. Деяние царя состояло в том, что он «велел» дьяку «говорить речь», после чего Щелкалов огласил *прямую речь государя* о поручении переговоров от его имени Годунову.¹⁸

В ходе переговоров с Иеремией Годунов убедился, что патриархом в Константинополе является именно он, о чем государю «сказывал». Тут Федор Иоаннович, «помысля со своей благоверной и христоролюбивой царицей», и «говорил с боярами», произнеся речь, как они с женой «помыслили, чтобы в нашем государстве в Российском царстве учинить патриарха». Идеей, на сей раз, было оставить патриарха Иеремию патриархом во Владимире, «а на Москве бы митрополиту по прежнему. А не захочет Цареградский патриарх быть во Владимире, тогда бы на Москве учинить патриарха из московского собора».¹⁹

В речи царя ясно сказано, что идея учинить Московского патриарха пришла ему еще во время приезда патриарха Иоакима, но оставалась *тайной*. В нее, кроме царя и царицы, был посвящен только Годунов, который и провел необходимые переговоры. Этот факт, указанный мной в «Русских патриархах», не понравился Володихину настолько, что он предпочел отбросить не только речь царя в посольской книге № 3, но и *все документы об учреждении Московской патриархии*.

¹⁸ Посольская книга. С. 30–31.

¹⁹ Посольская книга. С. 31–35.

Между тем, царь, для которого гладкие речи *писались*, и от имени которого *приносились* специалистами, высказался совершенно ясно: «А прежде этого, как приходил к нам ... Антиохийский патриарх Иоаким милости ради, и тогда мы, великий государь ... помысля о том о патриаршеском поставлении в Российском царствии, объявили (Иоакиму) *тайно* шурином нашим и ближним боярином и конюшим и воеводой дворовым и наместником Казанским и Астраханским Борисом Федоровичем Годуновым. И святейший патриарх Иоаким рекся (обещал) о том посоветоваться со всеми патриархами, и с архиепископами, и с епископами, и со всем освященным собором» (выделено и пояснено мной. – А.Б.).²⁰ Результат этого тайного даже от Посольского приказа совета Годунова с Иоакимом, а того с Феолиптом, мы и узнали в конце книги № 2.

Как видим, моя гипотеза, возникшая при исследовании книги Греческих дел № 2 и основанная на знании системы документирования дел в Посольском приказе, подтверждена в книге № 3 прямым указанием официального документа. Тайная от всех, кроме царя и царицы, деятельность Годунова по учреждению Московской патриархии с момента ее одобрения государем в 1586 г. является документальным историческим фактом.

Никакого одобрения идеи царя и царицы Боярской думой, «исполнителем» которой, по мнению Володихина, стал Годунов, не было. Что такое «тайно», все прекрасно понимали: не объявлено во всеуслышание, предназначено для строго ограниченного круга лиц, а чаще – одного лица. Как позже разъяснил царь Федор

Алексеевич в указе двум боярам князьям Ромодановским: «А эту бы нашу великого государя грамоту держали у себя тайно, и никто бы о сем нашем великого государя указе, кроме вас, не ведал».²¹ Однако тайна замысла Московской патриархии, известного царю, его супруге и шурину, который в 1586 г. начал, а в 1593 г. закончил переговоры об этом с восточными патриархами, не означает, что позднейшее сказание передает содержание замысла и переговоров неверно.

Да, царь не объявил свою с царицей идею Думе, пока супруга и шуринов имели там сильных врагов, одним из которых был митрополит Дионисий. Но замысел и описанные в позднейшем сказании переговоры Годунова с Иоакимом в 1586 г. были. В 1687 г. они перестали быть тайной для Посольского приказа, где Щелкалов из врага Годунова превратился в соратника. Лишь 21 июля 1588 г. Федор Иванович открыто поделился общим с царицей замыслом (эта формула во всех его речах) с боярами. Когда, по прошествии значительного времени, Иеремия благополучно отказался ехать во Владимир, царь, по докладу Годунова, снова «говорил о том с боярами»: Иеремии в желании быть патриархом на Москве отказать, так как «дело нестаточное» отставить Иова, «мужа свята и преподобна». Грек, который даже нашего языка не ведает, нам не подходит, будем просить его поставить патриархом Владимирским и Московским Иова, и чтобы «впредь поставляться патриархам в Российском царстве» от русского духовенства. Упомянул царь и поставление

²¹ Цит. указ о Чигирине 1678 г.: Собрание государственных грамот и договоров. Ч. IV. М., 1826. № 112. С. 366.

²⁰ Посольская книга. С. 35–36.

русских митрополитов, и прибавление епархий: все, что вскоре реально произошло.²²

Володихин отбросил приведенные мной с первого же издания «Русских патриархов» документальные источники потому, что они резко ограничивают круг лиц, которым была известна идея царя, царицы и Годунова. Еще более сузить этот круг нельзя: благочестивый царь не принимал серьезных решений без царицы, а никто в стране, даже Годунов, не мог действовать царским именем без ведома государя. Враг царицы Ирины и ее брата митрополит Дионисий не вписывается в этот круг. Врагом счел митрополита и сам государь, не без оснований полагавший покушение на его семью покушением на него самого.²³ Политическим деятелем и политическим мыслителем из троих участников тайного замысла был один. Это Годунов.

Именно этот мой подход от источников Володихин объявил «резким» и «экстравагантным», в отличие от своего отказа знать как источники, так и убеждения наших предков, в них отраженные. Убеждения эти, ясно сформулированные хорошо знакомым с источниками митрополитом Макарием, не позволяли русским с восторгом относиться к восточным патриархам, «совершенно зависевшим от произвола своих мусульманских властителей», которые все «более и более теряли свою духовную власть и значение, сохра-

няя почти одно лишь имя патриархов». «Тогда как патриаршие Церкви, бедствовавшие под игом неверных, более и более сокращались и умалялись, – констатировал Макарий, – Русская Церковь вместе с Русским государством постоянно расширялась и увеличивалась и по своему объему далеко превосходила каждую из них ... Тогда как самая православная вера в патриарших и других православных Церквях Востока и Юга, поработанных магометанами, подвергалась всякого рода притеснениям, унижениям, поруганиям, в России она ... сияла всем своим блеском. Православная Россия под управлением своих православных могущественных государей, – заключил великий историк Церкви, – сделалась главной представительницей и единственной охранительницей и защитницей православия во всем мире – так понимали ее сами русские, так же смотрели на нее и все православные Востока и Юга, стонавшие под игом иноверцев и искавшие в ней для себя покрова, помощи и утешений. Русские государи уже носили титул царя, т. е. императора, и заняли в православном мире то самое положение, какое занимали прежде императоры Византии ... Русский митрополит по власти и значению в своей Церкви вполне равнялся патриархам и даже превосходил их, ему недоставало только патриаршего имени».

Принятие этого «патриаршего имени» главой первенствующей во Вселенском православии Церкви было неизбежным, поскольку в русской общественной мысли давно утвердилось представление о парности понятий царь и патриарх, о симфонии их светской и духовной власти. Идея царя русского, как прекрасно дока-

²² Посольская книга. С. 37–38.

²³ Дионисий был изгнан с престола и отправлен в его обещание, Новгородский Варлаамо-Хутынский монастырь, в конце 1586 г. О политическом контексте его удаления: *Богданов А. П.* Русские патриархи от Иова до Иосифа. М., 2015. С. 16–20.

зал по комплексу летописных и агиографических источников Б. М. Клосс и как, последовав классику, для большего исторического периода продемонстрировал я, уходила корнями в XIV в.. Она вполне сформировалась в XV в. еще до отпадения греков во Флорентийскую унию. Она цвела в XV и начале XVI вв. в концепциях Московского православного царства и Благочестивого царства Русского. А главное – она была безусловно принята всеми после создания Хронографа Русского, Никоновской и Воскресенской летописей. Митрополит Макарий воплотил ее, наконец, в венчание на царство Ивана Васильевича, а герой Казанского взятия, протопоп Благовещенского собора Андрей, ученик и сотрудник Макария, известный затем как митрополит Афанасий, закрепил эти убеждения в Степенной книге.²⁴

Никто не сомневался, что честь великого князя Московского равна царской, что он и есть единственный во Вселенной благочестивый царь. Просто его не спешили этим истинным именем, утвержденным в самосознании, назвать официально. Также никто из русских, кроме разве что отдельных заволжских старцев, не сомневался в том, что при православном царе единственный истинно благочестивый глава Церкви – московский митрополит. Он не один из патриархов, а единственный реальный патриарх, ибо как же патриарх может окормлять Церковь без благочестивого царя? Следовало лишь это признать

и официально оформить, не плодя раздоры и никого по возможности не обижая.

Это взялся сделать Годунов еще в 1586 г. Я полагаю, что идея, равно как исполнение, принадлежала ему, аналогично тому, как венчание первого царя было инициировано и реализовано митрополитом Макарием. Однако в обоих случаях это была воля благочестивого государя, должным образом отраженная в документах. На Руси никто, повторю, не мог действовать именем царя без его соизволения. Так что желающий умалить роль Бориса Федоровича в деле учреждении Московской патриархии не ошибется, сказав, что все было задумано и проведено им по воле царя Федора Ивановича. Другое дело, что благочестивый царь «провел» все в стиле политической мысли и деяний своего шурина, которому, помыслив с супругой, полностью доверил все дело.

Документы об учреждении патриаршего престола в Москве Годуновым в полной мере отражают то всенародное убеждение, которое сформулировал в Истории Русской Церкви митрополит Макарий (в том числе на основе этих документов). Борис Федорович не искал милости у «столпов вселенского православия», как Володихин назвал патриарха Иоакима, а выдвигал ему справедливое требование признать величие Русской Православной Церкви. Иеремию он лично убедил, согласно записанному в посольской книге ответу патриарха, что Константинопольская епархия вовсе разорена султаном и пристойнее было бы перенести главный на Православном Востоке престол в Москву. – Нет, разве что во Владимир, заявил не любимый

²⁴ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I–II. М., 1998–2001; Богданов А. П. Прения с греками о вере в русском державном самосознании. М., 2019. Ч. III. Идеальный контекст Прений с греками о вере в XI–XVII вв.

Володихиным Годунов, знавший, что истинным лидером мирового православия является святитель Московский, Иов.

Переговоры с греками были трудными и тянулись более полугода. Временами, судя по посольской книге, о Иеремии просто «забывали». Не забывая, разумеется, хорошо снабжать и строго охранять от внешних контактов выделенный ему посольский двор. Царь с царицей и шурином желали поставить Московским патриархом митрополита Иова, как запланировали, видимо, во время приезда Иоакима, независимо от каких-то там перемен церковной власти на Востоке. Все понимали, что деться Иеремии некуда, а цена его согласия – лишь в деньгах для турок.

Иеремия и его приближенные сами рассказывали, что Константинопольский патриарший престол покупается у турецких властей. Султан сменил его и, не спрашивая греческое духовенство, поставил Феолипта потому, что тот обещал платить за свою должность на две тысячи золотых в год больше. Однако Феолипт переоценил возможности пополнения патриаршей казны. На пятый год патриаршества, не успев получить милостыню за обещанное им через Николая признание Московской патриархии, он был отставлен султаном, турки разграбили патриарший двор, а из церкви сделали мечеть. Иеремия был возвращен из ссылки и получил распоряжение султана строить патриарший двор и церковь в другом месте Константинополя. Денег не было – и патриарх с разрешения султана отправился за подаянием.²⁵

Годунов не уговаривал Иеремию. Достаточно было продержать его, без крупной милостыни, достаточно долго, в

роскошной для бедного грека обстановке, чтобы тот стал готов на все. Он даже заявил вдруг, что якобы советовался с патриархами Сильвестром Александрийским, Нифонтом Иерусалимским, Иоакимом Антиохийским и со всем освященным собором восточных архиереев: «И советовав приговорили, что пригоже на Российском царстве патриаршеству быть и патриарха учинить». Эта явная ложь, тем более что патриарха Иерусалимского звали Софроний (1579–1608), а Нифонта там вообще не бывало. Но что не сделаешь ради платы за свой чин туркам?

Русские дипломаты вели себя, по своему описанию в посольской книге, вежливо. 13 января 1589 г. Годунов со Щелкаловым навестили Иеремию на подворье и объявили, что по воле царя хотят «посоветоваться» о поставлении Московского патриарха. Как выглядел этот «совет», сообщил его свидетель Иерофей Монемвасийский: «Тогда говорят ему: решение царя то, чтобы ты поставил патриарха. И Иеремия говорил другое, что он не уполномочен епископами и что это было бы незаконно. Но, наконец, и не хотя, рукоположил России патриарха». Как это делать, он не ведал, но следовал сценарию, написанному опытным в составлении «чинов» Щелкаловым. Думный дьяк, внеся изменения в «чин» поставления русского митрополита,²⁶ составил для исполнителей и участников детальный «чин и устав» (сценарий и правила).

Серия торжественных мероприятий 17–30 января 1589 г. самым чинным обра-

²⁵ Посольская книга. С. 21–22, 32–34.

²⁶ Чин см.: РГАДА. Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. № 254. Л. 1–8. Оpubл.: Собрание государственных грамот и договоров. Ч. II. № 50. С. 69–71.

зом сделала митрополита всея Руси Иова патриархом, а архиепископов Новгородского и Ростовского – митрополитами, по их «избранию», заранее утвержденному царем.²⁷ Мнением патриарха организаторы интересовались мало. Так, наречение патриарха и митрополитов Иеремия хотел провести в церкви, но оно состоялось в Золотой палате. Неясно, по плану или от полноты чувств, Иеремия на приеме в палатах Иова устремился первым просить благословения, заявив, что «во всей подсолнечной один благочестивый царь, а впредь что Бог изволит; здесь (в Москве) подобает быть вселенскому патриарху, а в старом Цареграде, за наше согрешение, вера христианская изгоняется от неверных турок».

Четко организовав поставление Иова, Годунов подумал о епархиальной реформе. Когда Иеремия стал проситься на родину, правитель уговорил его задержаться. Только через три месяца, к маю была составлена Уложенная грамота, утверждающая новый статус Русской православной церкви.²⁸ К этому времени

²⁷ От этой работы сохранилась подлинная (с подписями) грамота Иеремии и российского освященного собора об избрании кандидатов в патриархи Московские и всея Руси: Иова, Александра и Варлаама от 23 января 1589 г.: РГАДА. Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. № 260. Л. 1. Но имена «избранных» уже содержались в «приговоре государя царя о наречении патриарха Московского и всея России», утвержденном Федором Ивановичем, митрополитом Иовом, освященным собором и Боярской думой 19 января. Опубл.: Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. № 58. С. 94–95.

²⁸ Уложенная грамота об учреждении в России патриаршего престола сохранилась в подлиннике. Опубл.: Собрание государственных

было решено, что великому господину патриарху Московскому и всея Руси должны подчиняться не два, а четыре митрополита: Новгородский и Великолуцкий, Казанский и Астраханский, Ростовский и Ярославский, Сарский и Подонский (Крутицкий). Величию Московского патриархата должны были соответствовать шесть новых архиепископий, преобразованных из епископий. Из восьми утвержденных в грамоте епископий семь были новообразованными.²⁹ В шести из них пастыри еще не были поставлены, что не помешало отметить их в Уложенной грамоте в качестве участников освященного собора, оставив пробелы для вписывания имен. Вообще, не все лица, обозначенные в грамоте по именам, присутствовали в Москве в то время, когда грамота обсуждалась и утверждалась, и потому не смогли ее подписать.

Новопоставленный Московский патриарх скромно писался в грамоте после Иеремии Константинопольского. Но тут же от имени Иеремии заявлялось, что Рим и его преемник Константинополь пали, а великое Российское царство, Третий Рим, благочестием превзошло всех. Поэтому митрополит Монеувасийский Иерофей был поставлен в списке участников собора после трех русских митрополитов, архиепископа Арсения Елассонского забыли упомянуть (хотя он и подписал грамоту, последним из архиепископов), гре-

грамот и договоров. Ч. II. № 59; *Богданов А. П.* 1) Русские патриархи. Т. 1. С. 88–97; 2) Русские патриархи от Иова до Иосифа. С. 76–83.

²⁹ Записка об учреждении в России четырех митрополий, а также новых архиепископий и епископий: РГАДА. Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. № 261. Л. 1–3.

ческих архимандритов и игуменов тоже записали далеко не на первых местах.

Московские власти не удосужились перевести Уложенную грамоту на греческий, когда дали ее подписать Иеремии и его приближенным. Иерофей Монеувасийский вздумал было возражать, опасаясь, что Московский патриарх признается в грамоте вышестоящим по отношению к грекам. Действительно, был слух, что Иеремия передал царю Федору Иоанновичу свое отречение от сана и патриарший посох, а Иов был наречен патриархом «Константинопольским и Сионским со всей властью, принадлежащей сему патриаршему престолу»³⁰. Как бы то ни было, Иерофей вынужден был подписать грамоту (по его словам – под угрозой утопления в реке). Зато после подписания он, вместе с другими спутниками Иеремии, был щедро одарен.

Уложенную грамоту не стоило переводить на греческий, поскольку Константинопольский патриарх в речи, сочиненной Щелкаловым, а Иеремией, согласно тексту, якобы произнесенной, признавал первенство Русского царства в православном мире: *«Понеже убо ветхий Рим пал Аполинариевою ересью, Второй же Рим, иже есть Константинополь, агарянскими внуками – от безбожных турок – обладаем; твое же, о благочестивый царь, Великое Росийское царствие, Третий Рим, благочестием всех превзошло, и все благочестивые царства в твое во едино собрались, и ты един под*

небом христианский царь именуешься во всей вселенной, во всех христианах».

Смысл этого признания, для русских очевидный, а до греков в 1589 г. не доведенный, объяснил Иерусалимскому патриарху Паисию русский дипломат Арсений Суханов летом 1650 г. Согласно своему отчету, тщательно отредактированному в черновике и поданному в Посольский приказ 9 декабря, он объяснил, что все, что у греков было святого, перешло на Русь: православное царство, процветающая церковь, реликвии, святые монастыри и благочестивый народ.

Первоначально, объяснил Суханов, избранным Богом был народ Израиля. Он и учение Христа получил первым. Однако Бог отверг этот народ и предал в запустение, избрав вместо него «греков и прочих верующих». Храмы Израиля были разорены, вместо них созданы христианские церкви. В христианстве первым в Церкви был папа Римский, под властью благочестивого римского императора, за ним вторым по чести и роскоши – патриарх Константинопольский. Именно папе Сильвестру император Константин Великий пожаловал «вместо царского венца» белый клобук, знак его первенства в Церкви: он был передан на Русь и стал отличием русских митрополитов, затем патриархов. Великий князь Владимир Святой принял веру в наследство от благочестивых пап. Равноапостольный князь крестился в Корсунь, которую крестил сосланный туда Нероном папа Климент, ученик апостола Петра, брата апостола Андрея. Его учение Владимир и принес на Русь. Поэтому русские хранят веру первого благочестивого Рима.

³⁰ Об этом рассказывает английский посланник в Москве в 1586–1589 гг.: Флетчер Д. О Государстве русском / Публ. Д. И. Гиппиуса и А. А. Титова. 3е изд. СПб., 1906.

Когда Рим отпал от правой веры, первым при благочестивом царе и в Церкви стал Константинопольский патриарх – Продолжал Суханов. – Но греки покорились впавшим в ересь римским папам. Отринув Бога, они погубили свое царство, попавшее под власть мусульман, и Церковь, разоренную так же, как были разорены храмы народа Израильского.

Однако Бог милостив к верным, уверил Суханов. Вместо императора, Господь воздвиг в Москве благочестивого царя. «И ныне у нас государь царь ... всяя России самодержец, во всей подсолнечной своим благочестием сияет, как солнце посреди земли, и во всем ревнует первому благочестивому царю Константину Великому, церковь Христову чисто снабжает и от всяких ересей защищает».³¹ Благодаря богодарованному царю, защитнику веры, Русь хранит исконное благочестие, от которого часто отпадают униженные и обнищавшие греки: а «у нас государь царь благочестивой, ереси никакой не любит, и во всей его государевой земле ереси нету». И действительно, защита веры была в России первой функцией *царя*.

«Это ведь вам, греком, – объяснил Суханов, – нельзя ничего делать без четырех патриархов своих, потому что в Цареграде был царь благочестивый один под солнцем, и он учинил 4-х патриархов, да папу в первых. И те патриархи были в одном царствии под единым царем, и на соборы собирались патриархи по его царскому изволению. А ныне вме-

сто того царя на Москве государь царь благочестивый, во всей Подсолнечной един царь благочестивый, и царство христианское у нас Бог прославил. И государь царь устроил у себя в своем царстве вместо папы патриарха в царствующем граде Москве, где и сам царь. А вместо ваших четырех патриархов устроил на государственных местах четырех митрополитов. Поэтому *нам можно и без четырех патриархов ваших править закон божий, потому что у нас глава православия – царь православный* (выделено мной. – А.Б.). Ведь патриарх зовется потому, что имеет под собой митрополитов, архиепископов и епископов – потому патриарх. А ваш патриарх ... над кем будет патриарх?».

«Слышьте, греки, и внимайте, и не гордитесь, и не называйте себя источником, – заключил Суханов, – ибо вот ныне Господне слово евангельское сбылось на вас. Были вы первые, а ныне стали последние. А мы были последние, а ныне первые».³²

Надо признать, что до изучения посольского отчета Суханова в контексте всей русской книжности XI–XVII вв. о сравнительном благочестии и месте в мировом православии русских и греков, я не понимал, отчего Годунов и Щелкалов, политики опытные и волевые, позволили иерархам Православного Востока считать, что Московская патриархия занимает пятое, последнее место. Вместо несомненного для русских первого. Сегодня это стало

³¹ Здесь дипломат примеряет к царю наследие, которое первый русский митрополит Иларион приложил к Владимиру Святому в 1051 г., в первом русском публицистическом сочинении.

³² Авторские тексты: РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Стлб. 7157/1649 г. № 8. Л. 37–71; РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. № 659. Л. 348–360. Первое полное издание трех редакций: Богданов А. П. Прения с греками о вере. Приложение.

очевидным. Центральное место благочестивого Российского царства и его Церкви в православном мире никак не оспаривалось констатацией факта, что Московская патриархия – самая молодая по возрасту. Присущее всем пишущим россиянам ощущение, что Москва по праву сделалась центром вселенной, а россияне, как указал митрополит Иларион в 1051 г., это юный избранный народ, Новый Израиль, ни в малой степени не колебалось от того, что на Православном Востоке московский патриарх поминается в молитвах после старых восточных. В России его в XVII в. поминали первым. Не Московский патриарх ездил к восточным, а те приезжали на Русь просить милости у православного царя. Всерьез спорить из-за места Иова в списке патриархов Годунову не приходило в голову. Ведь это означало принять мысль, что Московский патриарх может быть не первым – мысль нелепую, когда речь идет о единственном патриархе при православном царе!

При утверждении Московской патриархии на Православном Востоке, Годунова и Щелкалова, который непосредственно вел дело, заботили вопросы практические. Несмотря на уверения Иеремии, было очевидно, что он не заручился заранее согласием трех других патриархов и церковного собора. Следовало позаботиться, чтобы Иеремия до исполнения миссии не был низвергнут. Для этого царь обратился с написанной Щелкаловым грамотой к султану, сердечно прося не переменять Иеремию. Годунов же, согласно книге греческих дел № 3, о судьбе Иеремии и успехе его дела не волновался, вручив ему, как *своему* агенту, инструкцию, по каким вопросам ждет от патриарха результатов по-

литической разведки: «а проведав, о том бы о всем подлинно отписал тайно».³³

Щелкалов и его дипломаты, посланные на Православный Восток, тоже не сомневались в успехе правого дела, но снисходили к человеческим слабостям. Посему, с соизволения государя, подкрепили аргументы хорошо вознагражденного Иеремии к восточному духовенству должным количеством серебряной монеты и соболей. И в июне 1591 г. митрополит Тырновский Дионисий привез в Москву Уложенную грамоту восточных иерархов об утверждении Московской патриархии.³⁴ Она была в мае 1590 г. подписана двумя агентами Годунова, Константинопольским патриархом Иеремией и Антиохийским патриархом Иоакимом, а также Иерусалимским патриархом Софронием, 42 митрополитами, 19 архиепископами и 20 епископами. Греки соборно «утвердили навеки быть на Москве Вселенскому пятому патриарху, и поставляться там Российским собором».³⁵

Цель Москвы была достигнута. А греки, судя по грамотам к царю, Иову и Годунову, считали написание московского патриарха последним своей огромной победой. И даже предлагали Иову признавать Константинопольского патриарха «начальным» себе. А Иеремия в личном

³³ Посольская книга. С. 54–55. Согласие Иеремии: С. 57–58.

³⁴ Его статейный список, включающий привезенным им грамоты: РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Кн. 3. Ч. 2. Л. 75 и сл. Публ.: Посольская книга. С. 60–102, далее наказ о новой миссии.

³⁵ Оригинал: РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 2. № 5. Перевод: РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 3. № 13. Изд.: *Analecta Byzantino-Russica* / Ed. V. E. Regel. Petropoli, 1891. P. 85–92. Изд. русского перевода: Посольская книга. С. 68–73.

письме призвал Иова принять поставление его пятым и последним патриархом «со благодарением и тихомирием».³⁶ Иов, что интересно, не возражал. Дионисий привез личные послания Иеремии также к царю, царице и Годунову. Каждое из них содержало просьбы о денежных пособиях, обещанных ему за выполнение поручения.

В Москве, однако, с беспокойством заметили, что поручение выполнено не до конца: Уложенная грамота не имела подписи второго по значению в Восточной церкви Александрийского патриарха.³⁷ Прежний Александрийский патриарх Сильвестр оставил престол, а его преемник Мелетий Пигас резко отчитал Иеремию за самоуправное и незаконное создание Московской патриархии. И потребовал: «то, что ты сделал по принуждению, по размышлении уничтожишь словесно и письменно!».³⁸ Его выступление вызвало необходимость еще одной дипломатической операции на Востоке.

В феврале 1592 г., вначале принятый холодно, а затем осыпанный милостями митрополит Дионисий отбыл из Москвы, везя богатые дары всем четырем патриархам. В грамоте Мелетию от царского имени предлагалось известить государя «о утверждении» патриарха Иова. При этом царь и патриарх Иов уведомляли каждого из четырех патриархов, что Московская

патриархия претендует на третье место во Вселенской церкви; по крайней мере, в молитвах в России. Льстя Иеремию, московские власти даже соглашались считать его главой православия, вместо «отпавшего» Римского папы. Мелетия приходилось опасаться – и его признали вторым по значению. На большие уступки податели милостыни не шли.

В феврале 1593 г. в Константинополе состоялся новый собор во главе с Иеремией, Мелетием (имевшим также голос умершего Иоакима Антиохийского) и Софронием. Московские подарки одолели завладевшего Мелетием демона гордыни. Ссылаясь на канонические правила, он доказал правильность действий Иеремии и законность учреждения Московской патриархии. Однако отказал новой патриархии в притязаниях на третье место во Вселенской церкви. Это решение было единодушно принято и подписано участниками собора.³⁹

Льстивые послания Мелетия царю, царице, Иову, Годунову и Щелкалову, сопровождавшие соборное деяние 1593 г., призваны были скрасить это неприятное для русских решение.⁴⁰ Таковым его полагал Мелетий. Однако ... решение собора приняли в Москве с глубоким удовлетворением, выраженным в огромной цене даров, посланных каждому из четырех патриархов и на Синайскую гору: она поразила знатока посольских дел С. М. Соловьева.⁴¹ Цена подарков за уже *совершенное* дело отражала степень до-

³⁶ Посольская книга. С. 78.

³⁷ Лишь в конце XX в. стало известно, что более половины подписей выполнены другими иерархами: Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003. С. 377 и сл.

³⁸ Подробно: *Малышевский И. И.* Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви. Т. 1–2. Киев, 1872.

³⁹ *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России. С. 395 и сл.

⁴⁰ *Analecta Byzantino-Russica.* P. 96–97; и др.

⁴¹ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Кн. 3. Ч. II. Соловьев С. М. История России. Кн. IV. Т. 7. С. 326–327.

вольства московских властей поведением их партнеров. В данном случае она была высшей в истории общения Москвы с Православным Востоком.

Проще говоря, соборное признание Московской патриархии восточным духовенством, канонически проведенное на соборе ярким противником этого признания, ставило точку в вопросе об автокефалии Русской Церкви, ставшей максимальной для поместных церквей. Первенство Московского вселенского патриарха при православном царе в глазах русских было неоспоримым, даже если не все стали почитать его первым. Вопрос о месте Иова в поминовении патриархов на Востоке был костью, брошенной греческому самолюбию, для облегчения победы правого дела.⁴² Больше об этом вопросе никто не вспоминал. Он просто не занимал умы⁴³, в отличие от вопроса о времени возникновения идеи создания Московской патриархии.

В Уложенной грамоте 1589 г. царь Федор Иванович объявлял, что эта мысль пришла к нему в связи с появлением в Москве патриарха Иеремии со свитой, т.е. не ранее июня 1588 г. «И мы, великий государь царь ... помывлив о сем превеликом деле с нашею с благоверной и с

⁴² По крайней мере, Иов в обширной прощальной речи к митрополиту Дионисию говорил, что пятое место Московского патриарха так и было задумано царем Федором Ивановичем с благоверной супругой. – Посольская книга. С. 91–95.

⁴³ Лишь в 1656 г., в разгар никонианских реформ, постановление Константинопольского собора 1593 г. о пятом месте Московского патриарха было опубликовано в печально знаменитой «Скрижали» Иоанна Нафанаила, в переводе пресловутого Арсения Грека. Но внимания на это никто не обратил.

христоролюбивой царицей великой княгиней Ириной», приняли решение «в царствующем нашем граде Москве устроить превеликий престол патриарший в честь святой превеликой соборной церкви пречистой Богородицы честного и славного ее Успения и первопрестольников великих святых чудотворцев Петра, и Алексея, и Ионы. И мысль свою царскую пресвятейшему Еремею ... объявили».⁴⁴ Так оно, согласно Посольской книге № 3, и было, ведь тайное обсуждение идеи Московского патриаршества с Иовом в 1586 г. успеха не принесло, а содержание идеи в ходе переговоров с Иеремией в 1588–1689 гг. менялось. Поэтому в книге и записаны два обращения царя, по совету с царицей, к боярам, о желании учинить Московскую патриархию именно в связи с приездом Иеремии, с разными деталями, связанными с переговорами, которые вел Годунов. А в Уложенной грамоте зафиксировано третье такое обращение, по результатам успешных переговоров конюшого боярина. Важно, что и Иоакиму, и Иеремии объявлял мысли царской четы именно Годунов, сначала «тайно» от всех, затем под приказный протокол.

В составленном затем публицистическом сказании рождение «мысли» царя по совету с царицей перенесено на приезд патриарха Иоакима в 1586 г. И справедливо, поскольку переговоры с ним о Московском патриаршестве, по документу Посольского приказа 1587 г. (в книге № 2), Годунов провел, как отмечено в речи царя в книге № 3 – «тайно». Именно посольские документы, отброшенные

⁴⁴ Цит. по публ.: 1) Богданов А.П. Русские патриархи. Т. 1. С. 90; 2) Русские патриархи от Иова до Иосифа. С. 77–78.

Володихиным, заставляют нас принять версию его единственного источника, хотя она противоречит версии в высшей степени официального документа, Уложенной грамоты 1589 г.

Создание источника сказания, от которого отталкивается мой оппонент, безосновательно приписывая идею Московского патриаршества Дионисию, связано с Годуновым. Никто, кроме него, царя и царицы, не знал о начале переговоров в 1586 г. Даже Щелкалов узнал о них постфактум, а бояре – только из речи царя в 1588/89 г. Смело изменить версию Уложенной грамоты, высказав скрытую ранее правду, мог, на мой взгляд, именно Годунов. Но любопытно, что сам публицистический текст, который использовали мои старшие коллеги, а затем (в пересказе) Володихин, относится к временам патриарха Никона.

Он, в лице своих помощников, опирался на опыт предшественников. Филарет Никитич для возведения себя на патриарший престол призвал в Москву Иерусалимского патриарха Феофана III (1606–1644).⁴⁵ Гость 5 июля 1619 г. оформил в Москве грамоту о поставлении Филарета в патриархи,⁴⁶ указав, что он обладает тем же статусом, что Иов,⁴⁷ является «братом и сослужителем нашей мерности и остальных патриархов». Именно к поставлению Филарета отно-

сится обнаружение записанной еще в 1589 г. и оставшейся под спудом мысли, что «Великое Российское царствие, Третьей Рим, благочестием всех превзыде».

Тогда-то, в связи с «чином наречения и поставления во всероссийские патриархи митрополита ростовского и ярославского Филарета Никитича» 22–24 июня 1619 г.,⁴⁸ и было написано публицистическое известие о начале Московской патриархии, которое распространялось в списках, хотя и не широко.⁴⁹ Это известие легло в основу публицистического сказания о начале патриаршества в России, включенного по воле Никона в издание Кормчей книги (М., 1653),⁵⁰ а затем, по воле низвергнутого его собора, в составленную Симеоном Полоцким книгу «Жезл правления» (М., 1667).

Только обращение к документам, от которого Володихин отказывается, позволяет нам увидеть в публицистическом тексте, развивавшемся со времен Филарета до низвержения Никона, более ранний источник, восходящий к Борису Годунову.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. № 282. Л. 1–24. Опу- бл.: *Собрание государственных грамот и договоров*. Ч. III. № 45. С. 187–201.

⁴⁹ См. рукопись, принадлежавшую патриарху Никону: ГИМ. Воскресенское собрание. № 213.

⁵⁰ «В состав Кормчей Сказание было включено в апреле 1653 г. по указу патриарха Никона, уже после того, как был сделан основной набор текста и книга была подвергнута соборному рассмотрению ... Составитель сказания обращался непосредственно к тексту Известия, которое он сократил, отредактировал и дополнил документами». См.: *Белякова Е. В.* Первые опыты русской церковной историографии (К изучению Известия о поставлении патриарха Филарета и Сказания об учреждении патриаршества) // *Факты и знаки. Исследования по семиотике истории*. Вып. 1. М., 2008. С. 208–224. Цит. с. 214.

⁴⁵ *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России. С. 411 и сл.

⁴⁶ Греческий оригинал и русский перевод грамоты опубл.: *Собрание государственных грамот и договоров*. Ч. III. М., 1822. № 46. О ней: *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России. С. 400 и сл.

⁴⁷ Со ссылкой на предоставленную ему грамоту Иеремии II о поставлении Иова.

Отбросив посольские документы, мой оппонент обязан был отказаться и от версии позднего сказания в пользу более ранней официальной версии Уложенной грамоты. И остановиться на мысли, что идея Московской патриархии родилась много позже изгнания с престола Дионисия, а не высказана им. Впрочем, версию Уложенной грамоты, даром что я переиздал ее дважды, Володихин тоже не упоминает.

Подведем итоги.

Летом 1586 г. царский шурин Борис Годунов тайно провел в Москве переговоры с Антиохийским патриархом Иоакимом о создании Московской патриархии. Иоаким был хорошо принят светскими властями в Москве 17 июня – 11 августа, в разгар борьбы митрополита Дионисия и объединения бояр и приказных людей за развод царя Федора Ивановича с царицей Ириной, сестрой Годунова. Благодетельный государь не только из тактических соображений признал авторитет патриарха, который запретил развод. Несколькими годами раньше он приказал отправить большие суммы на поминовение его отца иерархам Православного Востока, относительно благочестия которых в русском обществе с XV в. царили большие сомнения. Митрополит Дионисий поддержал эту традицию, показав, что восточный патриарх ниже его положению во вселенской Православной Церкви.

Доброе отношение к Иоакиму царя и высокомерное – митрополита показано в книге Греческих дел № 2, составленной в Посольском приказе под руководством дьяка А.Я. Щелкалова. Будучи в

это время сторонником развода царя и противником Годунова, Щелкалов позаботился о том, чтобы в официальном документе его приказа было указано, что Иоаким, после спора признал свое второстепенное положение относительно Дионисия. Это было важным и с точки зрения прецедентного права, которым пользовался приказ, и в ходе борьбы митрополита и группы бояр против Ирины и Бориса Годунова.

Согласно книге № 2, переговоры Годунова с Иоакимом о создании Московской патриархии были неизвестны Посольскому приказу. В документах, фиксировавших события приезда Иоакима, в инструкциях сотрудникам приказа, отправленным с ним на Восток, ни слова о таких переговорах нет.

В позднейшем историко-публицистическом сказании, источник которого предположительно составлен при Годунове, но известном нам только по отражению в текстах времен Филарета и Никона, говорится, что царь свое решение завести в Москве патриарха все-таки объявил. Однако и в сказании, как я ясно написал в «Русских патриархах», «митрополит Дионисий не принимает никакого участия в решении вопроса об учреждении Московской патриархии. Согласно сказанию, царь советуется в таком важном вопросе не с митрополитом, а с супругой, замысел обсуждается боярами в отсутствие Дионисия, и не духовные лица, а Борис Годунов ведет переговоры с Иоакимом. При этом все участники обсуждения настойчиво подчеркивают необходимость перенести окончательное решение вопроса на будущее, когда устройство патриаршего престола в Москве получит одобрение православного Востока».

Сказание справедливо отдает решение важного для Русской Церкви вопроса благочестивому царю, по совету с царицей. Кому бы не принадлежала исходная идея, Годунов мог тайно осуществлять ее только с санкции царя. Учитывая, какую помощь оказал Борису Федоровичу патриарх Иов и царица Ирина при его восшествии на престол в 1598 г., правильно было подчеркнуть в источнике сказания почтение и доверие, которые Федор Иванович питал к жене, и то, что устроить патриаршество для Иова задумал не Годунов, а царь с супругой. Политик, который смел к концу 1586 г. митрополита Дионисия и всю оппозицию, фактически взяв власть, не возражал, чтобы было известно, что именно он от начала до конца провел учреждение патриаршества в Москве. Но лишь как исполнитель мудрого замысла зятя и сестры.

Так, подчеркиваю, и есть: все, что сделал Годунов, было сделано по указу единственного во вселенной благочестивого русского царя. А тот, не блистая силой самостоятельной мысли, был достаточно рассудителен, чтобы слушать шурина и жену.

То, что Годунов, как говорит сказание, именем государя просил Иоакима устроить одобрение Московской патриархии духовенством православного Востока, было подтверждено в 1587 г. В докладе Иоакима и Константинопольского патриарха Феопемпа сказано: они готовят собор, «что приказывал им государь, чтоб патриарха учинить на Руси». Доклад был озвучен их доверенным человеком в Посольском приказе, руководитель которого Щелкалов уже мудро перешел на сторону Годунова. Так приказ впервые

узнал о переговорах Бориса Федоровича. И только в книге Греческих дел № 3 появилась запись о переговорах Годунова с Иоакимом, проведенных «тайно», в контексте одной из двух речей царя к боярам о том, как он с супругой задумал учредить патриарший престол.

К этому времени, после приезда в Москву нового Константинопольского патриарха Иеремии (июнь 1588 – май 1589), Годунов работал вместе со Щелкаловым, лишь самые деликатные темы обсуждая с Иеремией «тайно». Тот, отняв патриарший престол у Феопемпа с помощью турок, как ранее Феопемп отнял престол у него, об идее поставления Московского патриарха не знал, но остро нуждался в деньгах для платы в султанскую казну. После сопротивления, поддержанного, по воспоминаниям, его спутниками, Иеремия согласился выполнить желание царя и заодно стал политическим агентом Годунова.

Теперь, когда Московским митрополитом был верный Иов, Борис Федорович форсировал поставление его патриархом. И с санкции царя добился этого от Иеремии, который рисковал быть изверженным из сана, ведь решение об учреждении новой патриархии мог принять только церковный собор. Тем не менее, Иеремия, по сценарию Щелкалова, хиротонисал московского патриарха и четырех митрополитов, которые, по русскому мнению, представляли при единственно благочестивом царе руководство Вселенской церкви, как она создавалась при Константине Великом и благочестивом папе Сильвестре: патриарх был при царе вместо папы, а митрополиты олицетворяли четырех некогда благочестивых

восточных патриархов. Иеремия признал крушение Константинопольской патриархии и подписал Уложенную грамоту, в которой от его имени изложена концепция перехода святости от Римского папы к Константинопольскому патриарху, а после их падения – к Третьему Риму, самодержавной православной Москве.

Переход центра мирового православия в Москву был словами Иеремии закреплен в Уложенной грамоте 1589 г. о новой структуре Русской Церкви во главе с вселенским патриархом Московским и всея Руси, четырьмя митрополитами, должным числом архиепископов и епископов. Возведение Московского митрополита в сан патриарха стало частью церковной реформы, проведенной Иовом и Годуновым при полной поддержке царя Федора Ивановича. Одним из митрополитов стал, к слову сказать, подвижник духовного просвещения, будущий твердостоятельный патриарх Гермоген. Кроме него, реформа возвысила многих выдающихся святителей, избранных, как показывают документы, решением царя, по совету Иова и Годунова. По политическим причинам, зато вполне реально, повысилось значение освященного собора и главы Церкви при православном царе.

Духовенство Православного Востока соборно признало учреждение Московского патриархата в два этапа, в 1590 и 1593 гг. Московские власти с полным удовлетворением восприняли завершение этого процесса, несмотря на то, что греки постановили помянуть Московского патриарха не третьим, как предлагал царь, а пятым, последним из вселенских патриархов. Царь Федор, Годунов, Щелкалов и сам Иов справедливо не придавали

этому значения. Политически и идеологически ситуация от этого «места» не менялась: Москва была источником милостей, Константинополь, Александрия, Антиохия и Иерусалим – просителями милостыни.

Впоследствии лишь двух патриархов, пораженных недугом цезарепапизма и в нарушение традиции повелевших именовать себя «великий государь» (вместо «великий господин»), волновал авторитет их нищих и угнетенных коллег на востоке. Филарету, как царскому отцу, это прощалось. Жестоко пострадал Никон, забыв великую русскую истину, сформулированную для греков его сотрудником, дипломатом Арсением Сухановым, что *«нам можно и без четырех патриархов ваших править закон божий, потому что у нас глава православия – царь православный»*. И впоследствии, как только кто-то предполагал, что восточное православное духовенство для России авторитетно, кончалось это печально. Правильный путь в отношениях с Востоком избрали Годунов и Щелкалов, после них – канцлер В. В. Голицын, подчинивший Московскому патриарху Киевскую митрополию (1685), и их последователи.

Нарисованную мной картину попытался уточнить Володихин, представляя автором идеи учреждения Московской патриархии митрополита Дионисия. На деле он обосновал это тем, что в трудах и деяниях Дионисия нет ни малейших следов такой идеи, а также отказом признавать существование давно известных и приведенных мной документальных источников Посольского приказа. Оба этих «аргумента» подкреплены третьим: преувеличенным представлением об ав-

торитете восточных патриархов на Руси, которое вряд ли кто из русских мог принять, а Дионисий не принял, четко поставив патриарха ниже себя, Московского митрополита. Мой оппонент мог бы избежать столь явного обозначения позиции Дионисия, забыв соответствующий текст документа Посольского приказа, как он проигнорировал остальные. Но он не сделал этого, прибавив непоследовательность к прегрешениям, которые не позволяют принять его концепцию с научной точки зрения.

С точки зрения нравственности русской истории всегда полезнее точное, основанное на источниках знание, нежели благонамеренные домыслы. Так, учреждение Московской патриархии было важно не замыслом, официально принадлежащим царю Федору Ивановичу и царице Ирине, а реально Годунову, но исполнением, которое обеспечили Годунов, Щелкалов и Иов.

Официально замысел был закреплен за царем Федором Ивановичем и его супругой в посольский книге № 3 и Уложенной грамоте 1589 г. Он датирован приездом в Москву Иеремии в 1588 г. Затем, в не найденном пока источнике, связанном с Годуновым, замысел был перенесен на приезд Иоакима в 1586 г. Если в грамоте царь просто дал распоряжение Годунову поговорить с Иеремией и все устроить, то в повествовательном источнике он объявил свое решение Боярской думе (без митрополита и Освященного собора), и лишь затем велел Годунову договориться с Иоакимом. Из записей 1587 г. в книге № 2 и речи царя в книге № 3 мы знаем, что Годунов с ним договорился, во исполнение воли царя, но тайно, без ведома Думы и Посольского приказа. Именно эти

документы, относящие начало переговоров в 1586 г. и широко даже политикам ближайших времен неизвестные, дают нам возможность использовать для иллюстрации событий красивое повествование, построенное на основе сочинения, созданного при участии Годунова, уже во времена Филарета и Никона.

Со времен Соловьева и Макария принято цитировать не известие 1619 г., а сказание о Московской патриархии в никоновском издании Кормчей 1653 г., в книге Симеона Полоцкого 1667 г. или списках. Я полагаю лучшим синодальный список второй половины XVII в., но дела это не меняет. Соловьев, Макарий, Каптерев и я все равно шли от документов, привлекая сказание в иллюстративных целях. Время начала дела указывают книги Посольского приказа, обсуждение замысла царя с царицей подтверждают речи государя в книге № 3 и Уложенная грамота, а ссылка на выступление в 1586 г. царя перед Думой легко отбрасывается, с сохранением красивой мотивации государя.

Отказавшись от документов, потому что они с самого начала до конца отдают работу над учреждением Московской патриархии Годунову, Володихин поставил себя в интересное положение. Без документов позднее сказание ничем не подкрепляется и должно быть заменено Уложенной грамотой. Или, если отказ от официальных документов для оппонента столь принципиален, «Повестью о честном житии царя ... Федора Иоанновича», созданной Иовом в продолжение Никоновской летописи.⁵¹ Этот источник Володихину известен. Однако ему неизвестно, что Иов, свя-

⁵¹ Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 1–22.

зывая идею Московского патриаршества с приездом Иеремии, следует за Уложенной грамотой о собственном патриаршем представлении. Версия грамоты Володихину не подходит, потому что к 1588 г., которым документ и Иов датируют замысел патриархии, Дионисий уже умер в ссылке.

Из своего неведения относительно источника Иова, Володихин сделал вывод, что первый Московский патриарх «не мог быть осведомленным лицом в отношении событий 1586 г.». В конце 1590-х, когда он писал «Повесть»? – спрошу я. Но датировка источников оппонента не интересует. Из основанной на незнании историка «неосведомленности» Иова он делает вывод, что и «близкие ему Годуновы» (т.е. не только Борис Федорович, но и царица) «не были основными действующими лицами или хотя бы идеологами великого зачина всего дела о патриаршестве».

Итак, документы уже отброшены, хотя они все приведены в том моем тексте, откуда Володихин черпает сведения о своем единственном источнике о начале Московской патриархии – позднейшем сказании. Однако и оно неудовлетворительно, поскольку царь там советуется с царицей (верно, взято из его речей в посольской книге и Уложенной грамоты) и указывает начать дело шурина (верно, по всем документам). А раз оба представителя рода Годуновых не могут быть «основными действующими лицами» и

«идеологами», то выбросим и сказание. Теперь уже *все* источники истреблены. Оставлена одна дата: 1586 г., в котором Дионисий еще митрополит, с которым можно заставить царя советоваться, потому что автору так захотелось. Даже если это противоречит *всем* источникам.

И все же, хотя в результате полемики наши представления о роли царя, царицы, Годунова и Дионисия в истории учреждения Московской патриархии не изменились, начатая Володихиным дискуссия оказалась полезной. Ранее фактический отказ Годунова от переноса в Россию Константинопольского патриаршего престола и его недостаточная, как мне казалось, настойчивость, когда греки отвели Московскому патриарху последнее, пятое место, представлялось следствием примата его политических мотивов над высшими идейными соображениями. Однако сегодня, после того, как мне пришлось заново рассмотреть и во многом изменить концепцию Каптерева об отношениях России с Православным Востоком, мотивы Годунова выглядят общими для русских людей его времени. Видимо, я поспешил упрекнуть Бориса Федоровича в эгоизме там, где он служил высоким духовным идеалам. Впрочем, мой оппонент Каптерева не упоминает. Его отношение к Годунову оправдано сознательным незнанием так же, как перемена моего отношения оправдана развитием знания.

Библиография

Источники архивные:

ГИМ. Воскресенское собрание. № 213.

ГИМ. Синодальное собрание. № 703/978.

РГАДА. Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. № 254, 255, 256, 257, 260, 261, 282.

РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. № 659.

РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Кн. 1, 2, 3; стлб. 7157/1649 г. № 8; оп. 2. № 5; оп. 3. № 13.

Источники опубликованные:

Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли / Публ. Н.В. Сеницына, Я.Н. Шапов. М., 1989.

Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями): 1588–1594 гг. / Подгот. изд. М.П. Лукичев, Н.М. Рогожин. М., 1988.

Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. II. М., 1819; Ч. III. М., 1822; Ч. IV. М., 1826.

Труды и странствование смиренного Арсения, архиепископа Эласонского и повествование об установлении Московского патриаршества / Пер., вступ. статья и коммент. под ред.: Питирим (Нечаев), митрополит Волоколамский и Юрьевский // Богословские труды. 1968. Сб. 4. С. 249–279.

Флетчер Д. О Государстве русском / Публ. Д.И. Гиппиуса и А.А. Титова. 3е изд. СПб., 1906.

Analecta Byzantino-Russica / Ed. V.E. Regel. Petropoli, 1891.

Σάθας Κ. Βιογραφικόν σχεδίασμα Περί του Πχου Ιερεμίου Β Εν Αθήναις. 1870.

Литература:

Белякова Е. В. Первые опыты русской церковной историографии (К изучению Известия о поставлении патриарха Филарета и Сказания об учреждении патриаршества) // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Вып.1. М., 2008.

Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001.

Богданов А. П. Прения с греками о вере в русском державном самосознании. М., 2019.

Богданов А. П. Русские патриархи от Иова до Иосифа. М., 2015.

Богданов А. П. Русские патриархи (1589–1700). Т. 1. М., 1999.

Богданов А. П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М., 2018.

Богданов А.П. Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995.

Володихин Д. М. Митрополит Московский и всея Руси Дионисий Грамматик как предполагаемый автор идеи об учреждении патриаршей кафедры в Москве // Историческое обозрение. Вып. 20. Личность в историческом процессе. М., 2019.

Демидова Н.Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

Зернин А. П. Учреждение патриаршества в России // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2. 1-я половина. Отд. I.

Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885; изд. 2-е. Сергиев Посад, 1914.

Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I–II. М., 1998–2001.

Макарий (Булгаков), митрополит Московский и всея Руси. История Русской Церкви. Кн. 6. Т. 10–11. М., 1996.

Мальшевский И. И. Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви. Т. 1–2. Киев, 1872.

Николаевский П. Ф., протоиерей. Учреждение патриаршества в России // Христианское чтение. 1879. № 7–12.

Рогожин Н. М. Братья Щелкаловы // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков / Под ред. Е.В. Чистяковой; сост. Н.М. Рогожин. М., 1989.

Соловьев С. М. История России. Кн. IV. Т. 7. М., 1989.

Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003.

Сведения об авторе:

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института Российской истории РАН, г. Москва (Россия). Область научных интересов: история России IX–XVIII вв.

E-mail: culture_iri@mail.ru

A. P. Bogdanov

DISCUSSION ON ESTABLISHMENT OF MOSCOW PATRIARCHAT

Annotation: In a dispute with modern historian, the author deepens his well-known concept of creating the Moscow Patriarchate in 1586–1593. The article reveals the ratio of sources on the origin and implementation of the patriarchate's plan, from the beginning to the end carried out by Godunov. Behind the official formula about the plan of Tsar Feodor and his wife Irina, who secretly and explicitly entrusted to Godunov, are real plans of the ruler, which he has consistently brought to life. The controversy with the opponent,

who rejected all known sources for the sake of the attribution of a plan to Metropolitan Dionysius, also makes it possible to deepen the ideas about the ideological context of creating a patriarchy with the only Orthodox autocrat in the Universe. In general, the article reflects the new level of knowledge on this important topic.

Keywords: Moscow Patriarchate, Boris Godunov, Tsar Feodor Ivanovich, Patriarch Iov, autocephaly of the Russian Church, Eastern Orthodoxy.

References

Archive sources:

Gosudarstvennyj istoricheskij muzej. Sinodal'noe sobranie [State Historical Museum. The Synodal collection]. № 703/978. (In Russian).

Gosudarstvennyj istoricheskij muzej. Sinodal'noe sobranie [State Historical Museum. The Voskresensk collection]. № 213. (In Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. F. 135. Gosudarstvennoye drevlekhranilishche khartiij i rukopisej [State archives of charters and manuscripts]. № 254, 255, 256, 257, 260, 261, 282. (In Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. F. 181. Sobranie Moskovskogo glavnogo arhiva Ministerstva inostrannyh del [The collection of Moscow main archive of the Ministry of foreign Affairs]. D. 659. (In Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. F. 52. [Relations between Russia and Greece]. Op. 1. Kn. 1, 2, 3; stlb. 7157/1649 г. № 8; op. 2. № 5; op. 3. № 13. (In Russian).

Published sources:

Ideya Rima v Moskve XV–XVI veka. Istochniki po istorii russkoy obshchestvennoy mysli мысли [The idea of Rome in Moscow XV – XVI century. Sources on the history of Russian social thought] / Publ. N.V. Sinitsyna. Ya.N. Shchapov. Moskow, 1989. (In Russian).

Posolskaya kniga po svyazyam Rossii s Gretsiyey (pravoslavnyimi iyerarkhami i monastyryami) [The ambassadorial book on relations of Russia with Greece (with Orthodox hierarchs and monasteries)]: 1588–1594 / Podgot. izd. M. P. Lukichev. N. M. Rogozhin. Moskow, 1988. (In Russian).

Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The complete collection of Russian chronicles]. St. Peterburg. 1910. T. 14. (In Russian).

Sobraniye gosudarstvennykh gramot i dogovorov. khranyashchikhsya v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del [Collection of state charters and treaties, kept at the State College of Foreign Affairs]. Ch. II. Moskow, 1819; Ch. III. Moskow, 1822; Ch. IV. Moskow, 1826. (In Russian).

Trudy i stranstvovaniye smirennogo Arseniya. arkhiepiskopa Elasonskogo i povestvovaniye ob usta-novlenii Moskovskogo patriarshstva [Works and travels of the humble Arseny, the Archbishop of Elason and the narration of the establishment of the Moscow Patriarchate] / Per.. vstup. statia i komment. pod red.: Pitirim (Nechayev). mitro-polit Volokolamskiy i Yuryevskiy // Bogoslovskiye trudy. 1968. Sb. 4. (In Russian).

Fletcher D. O Gosudarstve russkom [About Russian State] / Publ. D.I. Gippiusa i A.A. Titova. 3 e izd. St. Peterburg, 1906. (In Russian).

Analecta Byzantino-Russica / Ed. V.E. Regel. Petropoli, 1891. (In Greek).

Σάθας Κ. Βιογραφικόν σχεδιάσμα Περί του Πχου Ιερεμίου Β Εν Αθήναις. 1870. (In Greek).

Researches:

Belyakova E. V. Pervye opyty russkoy cerkovnoy istoriografii (K izucheniyu Izvestiya o postavlenii patriarha Filareta i Skazaniya ob uchrezhdenii patriarshstva) [The first experiments of Russian church historiography (To the study of the News of establishment of Patriarch Philaret and the Tale of the establishment of patriarchate)]. In: Fakty i znaki. Issledovaniya po semiotike istorii. Vyp. 1. Moskow, 2008. (In Russian).

Bogdanov A. P. Moskovskaya publicistika posledney chetverti XVII veka [Moscow journalism last quarter of the XVII century]. Moskow, 2001. (In Russian).

Bogdanov A. P. Preniya s grekami o vere v russkom derzhavnom samosoznanii [The debate with the Greeks of faith in Russian Reigning consciousness]. Moskow, 2019. (In Russian).

Bogdanov A. P. Russkie patriarhi ot Iova do Iosifa [Russian patriarchs from Job to Joseph]. Moskow, 2015. (In Russian).

Bogdanov A. P. Russkie patriarhi (1589–1700) [Russian Patriarchs (1589–1700)]. T. 1. Moskow, 1999. (In Russian).

Bogdanov A. P. Car'-reformer Fedor Alekseevich: starshiy brat Petra I [Tsar-reformer Fedor Alekseevich: the elder brother of Peter I]. Moskow, 2018. (In Russian).

Bogdanov A. P. Chiny venchaniya rossiyskikh carey [Scenarios for the coronation of Russian tsars]. In: Kul'tura srednevekovoy Moskvy XIV–XVII vv. Moskow, 1995. (In Russian).

Volodihin D. M. Mitropolit Moskovskiy i vseya Rusi Dionisiy Grammatik kak predpolagaemyy av-tor idei ob uchrezhdenii patriarshey kafedry v Moskve [Metropolitan of Moscow and All Russia Dionisy Grammar as the alleged author of the idea of establishing a patriarchal department in Moscow]. In: Istoricheskoe obozrenie. Vyp. 20. Lichnost v istoricheskom processe. Moskow, 2019. (In Russian).

Demidova N. F. Iz istorii zaklyucheniya Nerchinskogo dogovora 1689 [From the history of the conclusion of the Treaty of Nerchinsk 1689] // Rossiya v period reform Petra I. M., 1973. (In Russian).

Zernin A. P. Uchrezhdenie patriarshestva v Rossii [Establishment of the patriarchate in Russia]. In: Arhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy, otno-syaschihsya do Rossii. Moskova,, 1855. Kn. 2. 1-ya polovina. Otd. I. (In Russian).

Kapterev N. F. Harakter otnosheniy Rossii k pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletiyah [The nature of Russia's relations to the Orthodox East in the XVI and XVII centuries]. Moskova, 1885; izd. 2-e. Sergiev Posad, 1914. (In Russian).

Kloss B. M. Izbrannye trudy [Selected Works]. T. I–II. Moskova, 1998– 2001. (In Russian).

Makariy (Bulgakov), mitropolit Moskovskiy i vseya Rusi. Istoriya Russkoy Cerkvi [History of the Russian Church]. Kn. 6. T. 10–11. Moskova, 1996.

Malyshevskiy I. I. Aleksandriyskiy patriarh Meletiy Pigas i ego uchastie v delah russkoy cerk-vi [Patriarch of Alexandria Meletius Pigas and his participation in the affairs of the Russian church]. T. 1–2. Kiev, 1872. (In Russian).

Nikolaevskiy P. F., protoierey. Uchrezhdenie patriarshestva v Rossii [Establishment of the patriarchate in Russia].// Hristianskoe chtenie. 1879. (In Russian).

Rogozhin N. M. Bratya Schelkalovy [Brothers Schelkalov]. In: «Oko vsej velikoy Rossii»: Ob istorii russkoy diplomaticheskoy sluzhby XVI–XVII vekov / Pod red. E.V. Chistyakovoy; sost. N.M. Rogozhin. Moskova,, 1989. (In Russian).

Solovev S. M. Istoriya Rossii [History of Russia]. Kn. IV. T. 7. Moskova,, 1989. (In Russian).

Fonkich B. L. Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV – nachale XVIII v. [Greek manuscripts and documents in Russia in the XIV - early XVIII century]. Moskova, 2003. (In Russian).

About the author:

Bogdanov Andrey P., Doctor of History, Leading Employee of the Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: culture_iri@mail.ru